

© 2018 г.

Н. В. КОВОИЦЫНА

К СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВЫМ СДВИГАМ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ ПОСЛЕ 1989 года

Кововицына Наталья Васильевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН, специалист в области центрально- и восточноевропейских исследований (Москва, Россия).

DOI: 10.31857/S013038640002042-4

До 1989 г. у каждого восточноевропейца имелась классовая принадлежность, которая предопределяла его жизненную судьбу. Включение индивида в определенный класс с 50-х годов XX в. структурировало его жизненные шансы в намного большей степени, чем раса, род или национальность. Мобилизация социалистических обществ в период «бархатных» революций происходила под влиянием «идеальных», а не материальных интересов. Революции осуществлялись в духе идеалов гражданского общества, а не классов. Во время крушения коммунистической власти люди говорили о «демократии», «переходе», о надеждах и опасениях, но никто не употреблял понятие «класс».

Посткоммунистическая «атака на класс» инспирировалась гражданским и демократическим, но не классовым дискурсом. Квалифицированные рабочие испытали временный общий интерес с либералами против совместных интересов с остальными рабочими. Недостаток серьезного мышления и классового беспокойства оказал вредное влияние на политику. Реформы проводились «во имя класса, который пока не существует». В результате коллапса обществ советского типа была утрачена последняя идеологическая опора прежних классов¹.

После 1989 г. классы исчезли не только из общественной жизни, но и из академического дискурса Восточной Европы с быстротой, адекватной их частому использованию в период социализма. Одновременно прекратила свое существование официальная идеология, в которой классы играли решающую роль. Тема класса в 1990-е годы однозначно утратила доминирующее положение в постсоциалистических странах и в мировом обществоведении в целом. Антикоммунистические установки, делегитимизирующие все, что связано с прошлым, воспроизводятся в течение 1990—2010-х годов.

До начала либеральной трансформации единая доминирующая идеология деклариовала, что социалистические общества развиваются под руководством коммунистических партий как авангарда рабочего класса. И это не была только идеология, классы идентифицировались и в правовом отношении. Социалистические общества конституционно основывались на двух классах — рабочем классе и классе кооперированного крестьянства — и одном слое — интеллигенции. С 1950-х до 1990-х годов социальные изменения интерпретировались везде в классовых понятиях, и чаще всего предметом исследования был рабочий класс. В последующем, когда классовая парадигма радикально меняется и происходят общественные изменения, в массовом сознании восточноевропейцев складывается впечатление, что

¹ Buzík B. Triedy a stratifikácia v sociálnej zmene Slovenska. Bratislava, 2008.

единственный класс, консолидировавшийся после завершения периода социализма, это нарождающийся средний класс. К нему привлечено большое внимание. Читатели регулярно информируются о потребительских предпочтениях среднего класса и дилеммах этого класса в достижении воспроизводственных стратегий (например, получении университетского образования его потомством). Сегодня понятие «класс» больше не является табу среди нового поколения левых интеллектуалов стран региона, использующих его для указания на социальные антагонизмы и конфликты, игнорируемые официальным политическим течением².

Вопросы связи класса и классового сознания, классовой идентичности и политической репрезентации классов были предметом бурной дискуссии о «смерти классов» в начале 1990-х годов. До последнего времени относительно гомогенное бывшее социалистическое общество начало переживать процессы нарастающей дифференциации в результате демократизации, перехода к рыночной экономике, появления частной собственности, либерализации рынка труда, приватизации. Спор о классах в обществоведении посткоммунистических стран был вытеснен на периферию новыми темами: трансформация, модернизация, гражданское общество, гражданственность. Возникали новые социальные классы и слои, складывалась новая система стратификации. Решающими детерминантами этого процесса явились политические и экономические перемены предшествующей четверти века.

Перспективу понимания социально-классовых сдвигов в Восточной Европе в период смены систем открывает сравнительный анализ стран региона. Эта группа стран, одновременно совершивших переход от социализма к капитализму, представляет собой идеальную социальную лабораторию для изучения классовой динамики, в частности развития классового голосования в период глубоких общественных перемен. Это развитие контрастирует с относительно стабильным послевоенным социально-политическим ландшафтом стран Запада.

Если многие западные страны испытали снижающиеся или стабильные связи между классом и избирательным выбором, тенденция классового голосования в посткоммунистических странах совершенно отлична. В частности, Чехия переживает процесс рестратификации — процесс, в котором основанные на классах деления и идентичности в рыночной экономике возвращают себе значения после длительного периода дестратификации в период социалистической эгалитарной политики: в стране происходит рост классового голосования. Анализ также подтверждает, что классовое голосование, появившееся в начале 1990-х годов, возросло в Чехии с 1998 г. и нарастало вплоть до 2010 г.³ Источником рестратификации чешского общества является возрастающее социальное неравенство⁴. Оно вело к появлению конфликтных линий, предопределяющих выбор политических партий.

Ряд исследований избирательного поведения классов показывает, что чешский электорат голосует в соответствии с классовой принадлежностью или «голосует своим карманом»⁵. Более высокие классы участвуют в выборах чаще, чем более низкие⁶. С низшими классами больше идентифицируются квалифицированные, полуквалифицированные и неквалифицированные рабочие. К низшему среднему

² *Drahokoupil J.* Class in Czechia: The legacy of stratification research. — *East European politics and societies and cultures*, 2015, № 3.

³ *Smith M., Matějů P.* Restratifikace české politiky. Vývoj třídně podmíněného volebního chování v letech 1992–2010. — *Czech socioilological review*, 2011, № 1.

⁴ *Linek L., Lyons P.* Dočasná stabilita? Volební podpora politických stran v České republice v letech 1990–2010. Praha, 2013, s. 106.

⁵ *Vlachová K., Häuberer J.* Volební chování sociálních tříd. — *Voliči a volby 2010*. Praha, 2012, s. 152.

⁶ *Vlachová K., Řeháková B.* Sociální třída a její vliv na volební chování. — *Voliči a volby 2006*. Praha, 2007, s. 136.

классу чаще всего относят себя рутинные нефизические работники и низшие профессионалы. Средний высший и высший классы образуют крупные предприниматели и высшие профессионалы.

Избирательное поведение чешских граждан зависит прежде всего от классовых характеристик, социальный класс в чешском случае является главной конфликтной линией в обществе. Влияние социального класса со временем лишь усиливается: после 1989 г. не произошло ослабления связей между партиями и избирателями, основанными на классах. Уровень классового голосования за левые партии постепенно возрастает у всех социальных классов, особенно рабочих и пенсионеров, но кроме самостоятельных предпринимателей. В целом, нарастание классово обусловленного голосования ассоциируется прежде всего с низшими социальными классами. Для низших специалистов, самостоятельных предпринимателей и рутинных нефизических работников не существует определенных тенденций развития классового голосования. Классовая поддержка политических партий у высших социальных классов более менее постоянная⁷.

Помимо социально-классового, существуют другие, менее значимые факторы голосования. Это старший возраст или поколенческая принадлежность, тяготеющие к левой части политического спектра. Эффект религиозности со временем также будет снижаться, поскольку верующие концентрируются в старшей возрастной группе. Еще одна конфликтная линия — лево-правая ориентация. Ее значимость со временем также постепенно ослабевает. В этом случае произойдет ослабление связи между избирателями и партиями, а выборы будут так называемыми. Социальный класс отражает различные интересы в области общественной политики: рабочие и пенсионеры предпочитают равенство, высший класс и предприниматели, наоборот, хотят больше экономической свободы, меньше общественного перераспределения и регулирования экономики, а также по-разному относятся к прошлому и роли компартии в политической системе. Таким образом, со временем избирательное соперничество может стать одноразмерным: на избирательное поведение будет влиять прежде всего социально-классовая принадлежность.

Интересное исследование процессов «возвращения и ухода от социального происхождения» в период 1990—2011 гг. провели чешские социологи⁸. Оказалось, что социальная изменчивость в обществе сократилась с 1989 до 2000 г. Это результат «эффекта периода», а именно межпоколенческих перемен, который и получил наименование возврата к социальному происхождению. Эти перемены относятся к процессам рестратификации общества после 1989 г. В этот — первый постреволюционный — период стартовая позиция человека, обозначаемая как социальное положение отца на рынке труда более сильно определяет статус сына. Иными словами, перемены в профессиональных позициях между 1990-ми и 2000-ми годами в чешском обществе привели детей ближе к позициям их отцов.

Период возврата к социальному происхождению завершается примерно в 2000 г. После этого наблюдается обратная тенденция, и социальная изменчивость, напротив, постепенно нарастает. Период возврата к социальному происхождению замещается периодом отхода от него. Этот сдвиг — эффект образовательной экспансии, случившегося после 1989 г. замещения возрастных когорт⁹. Таким образом, возникла уникальная возможность анализа влияния институциональных перемен

⁷ Linek L., Lyons P. Op. cit., s. 121.

⁸ Katriňák T., Fučík J. Návrat k sociálnímu původu: vývoj sociální stratifikace České společnosti v letech 1989—2009. Brno, 2010, s. 189—198.

⁹ Katriňák T., Fónadová L. Return to and departure from social origin: trends in social fluidity in the Czech Republic between 1990 and 2011. — Sociológia, 2014, № 6.

рубежа веков на избранные аспекты общественной жизни в период трансформации от социализма к капитализму.

Социальные изменения, вызванные «бархатными» революциями, идентифицируются как ключевой фактор, ведущий к неравенствам, характеризующим современное центрально- и восточноевропейское общество¹⁰. Неравенства были здесь и раньше, но они основывались на политическом капитале, а не экономическом. Природа их отличалась фундаментально от известной по капиталистическому миру¹¹.

Отрицая прежний режим в 1989 г. многие бывшие диссиденты — ныне новые элиты — симпатизировали идеям равенства и были мотивированы идеями гуманизма. Новые неравенства были вызваны безработицей — главной причиной бедности в посткоммунистических обществах. Быстрый рост самозанятого класса, практически не существовавшего до 1989 г., в конце 2000-х достиг 10 % населения. Работа для высококвалифицированных рабочих драматически сократилась в Словакии с 28 % занятых в конце 1980-х до 14 % в 2009 г. Молодое поколение словацких обществоведов сейчас регулярно критикует культ рынка и предлагает альтернативную политическую экономию, хотя неолиберальная гегемония в общественном дискурсе мешает им быть услышанными.

После 1990 г. в Чехии проведено более 30 исследований классовой структуры, обычно как составной части международных сравнительных проектов. В период социализма самым известным было широкомасштабное уникальное изучение социальноэкономической стратификации «Чехословацкое общество» под руководством известного чешского социолога П. Махонина¹². В книге показана роль образования и сложности труда как ключевых, детерминирующих доход, стиль жизни и параметры потребления факторов. Продемонстрированы острые неравенства в доступе к принятию политических решений, открытые преимущественно для «номенклатуры».

Противоречивая смесь механизмов стратификации привела к появлению так называемого статусного несоответствия или недостатка связи между образованием, «трудовой ситуацией» (включая профессию и сложность труда) и доходом. Обществом статусно-консистентным считается то, где образование, сложность труда и доход коррелируют. Статусное несоответствие в 60-е годы XX в. в Чехословакии было характерно для трети населения, особенно неквалифицированных и квалифицированных рабочих в тяжелой промышленности. Они получали больше, чем соответствовало их образованию и сложности труда. В то же время стиль жизни рабочих в тяжелой промышленности не отвечал их высоким заработкам, имея в виду, что они были неспособны использовать дополнительные доходы для финансирования более высококачественного образа жизни. Относительно проигравшими была группа образованных, занятых нефизическим трудом, доходы которых были похожи на заработки представителей низшего слоя неквалифицированных.

После публикации книги «Чехословацкое общество» в период кризисного развития в стране в 1968—1969 гг. коллектив П. Махонина был распущен, а исследование социальной стратификации в регионе прикрыли. Оно было возобновлено в начале 1990-х годов при активном участии самого Махонина.

¹⁰ *Bunčák J., Dzambazovič R., Hrabovská A., Sopóci J.* On some questions of social stratification in Slovak society. — *Slovak sociological review*, 2011, № 5, p. 506.

¹¹ *Fabo B.* Rediscovering inequality and class analysis in post-1989 Slovakia. — *East European politics and societies and cultures*, 2015, № 3, p. 590.

¹² *Machonin P.* Československá společnost: sociologická analýza sociální stratifikace. Bratislava, 1969.

Критика государственного социализма и правящей идеологии указывала на политическую дискриминацию и привилегии номенклатуры и других групп, которым отдавалось предпочтение распределительными механизмами старого режима. Целью было выявление противоречия интересов номенклатуры и остального общества¹³.

Вопрос статусного несоответствия продолжал оставаться ключевым — не только как критика несправедливости и неэффективности прошлого, но также как устремленный в будущее подход. Доход и образование в конце концов стали главными принципами стратификации¹⁴. Неравенство доходов возрастало как результат поляризации между небольшой группой с очень высокими доходами и большой частью бедных¹⁵. Как указывалось выше, около четверти населения Чехии, переживших восходящую или нисходящую мобильность в период социализма, испытало возврат к социальному классу, в котором они родились и выросли. К концу 1990-х годов треть экономически активных все еще имела более низкие доходы по отношению к их образованию, что прежде всего относилось к женщинам-рабочим со средним образованием, а также обладательницам университетских дипломов¹⁶.

Социологи не отказались от концепта класса в отличие от носителей массового сознания. Однако в целом была характерна тенденция рассматривать вертикальную социальную дифференциацию в категориях слоев больше, чем классов. Наблюдения показали «сжатие» рабочего класса, экспансию сектора услуг и увеличение численности мелких предпринимателей. Среди капиталистических классов только мелкие предприниматели рассматривались как класс¹⁷.

Один класс играл выдающуюся роль в социологическом дискурсе — средний класс. Он заменил ценность и материальную гегемонию рабочего класса, став критерием оценки развития социальной структуры. Сила среднего класса ассоциировалась с социальной сплоченностью, политической стабильностью и экономическим ростом. Средний класс определялся больше как состояние сознания, чем как профессия, доход и потребление. Различался старый средний класс, «занятый в производстве и распределении материальных товаров и услуг», и новый средний класс, «занятый в производстве и распределении символического знания»¹⁸.

Ключом к анализу социальной структуры была и остается классовая структура как основа общественных неравенств¹⁹. Важнейшим является тезис об углублении различий между классами общества, формирование в результате процессов системной трансформации «разорванной» социальной структуры, что особенно ярко описано польскими обществоведами. Речь идет о нарастающей разнице, даже глубокой пропасти между выигравшими в результате трансформации, к числу которых относятся предприниматели, менеджеры и эксперты, и теми, кто проиграл — большинством общества, включающем рабочих, особенно низкоквалифицированных, пополняющих ряды длительно безработных или периферийных сегментов частного

¹³ *Večerník J.* Czech society in the 2000s: a report on socio-economic policies and structures. Praha, 2009.

¹⁴ См.: *Zprava o vývoji české společnosti 1989—1998.* Praha, 1998; *Dynamika české společnosti a osudy lidí na přelomu tisíciletí.* Praha, 2003.

¹⁵ *Tuček M.* Sociální nerovnosti v ČR a jejich vývoj za posledních 10 let. — *Soudržnost v diferencující se společnosti.* Praha, 2009.

¹⁶ *Drahokoupil J.* Op. cit., p. 580.

¹⁷ *Machonin P., Tuček M., Nekola M.* The Czech economic elite after fifteen years of post-socialist transformation. — *Czech sociological review*, 2007, № 3.

¹⁸ *Drahokoupil J.* Op. cit., p. 585.

¹⁹ *Ślomeczyński K., Janicka K.* Pęknięta struktura społeczeństwa polskiego. — *Polska. Ale jaka?* Warszawa, 2005, s. 163.

сектора, часто теневой экономики, крестьян (по выражению польского социолога К. Горлаха, «последних крестьян Европы»), переживающих процессы массовой пауперизации и упадка²⁰, мелких служащих. Важным сдвигом социальной структуры обществ восточноевропейского типа явился массовый переход рабочих из категории квалифицированных и мастеров в категорию низкоквалифицированных рабочих²¹, а также мелких предпринимателей. Снижение численности рабочего класса в Польше сопровождалось процессами его «обуржуазивания» и «пролетаризацией» среднего класса²². Из всех классов общества при переходе к капиталистической системе рабочие понесли наибольшие потери — они перестали быть господствующим классом, ощутимо потеряли в заработках и социально-профессиональном престиже. В целом проигравшие возникли во многом за счет выигравших. Эти две основных группы общества различаются не только по объективным показателям социального положения, таким как образование, положение в обществе или заработка, но и по психологическим, поведенческим показателям в результате формирования у людей реального образа новой системы общества — капиталистической и демократической и ее институтов. Восточноевропейское общество сложилось в итоге как поляризованное и двумерное.

Наиболее выраженной вариацией дифференциации общества восточноевропейского типа является социальная структура болгарского общества.

Еще в позднесоциалистический период в массовом сознании болгар, как и остальных жителей региона, образовался конфликт между «привилегированными партийными партфункционерами (или номенклатурой)» и «простыми людьми». Эта дихотомия преобразовалась в наши дни в моральный конфликт между политиками, или «корруптированными элитами», и «честными простыми людьми», когда первые рассматриваются как богатые, выигравшие от посткоммунистического перехода, а вторые — как обедневшие проигравшие. В прошедшее десятилетие Болгарская академия наук (БАН) рекомендовала Институту социологии БАН усилить изучение социальной структуры, стратификации, социальной мобильности, бедности и социального исключения. Исследование социальной структуры и неравенства оказалось среди наиболее важных приоритетных тем исследований в Центральной и Восточной Европе.

Следует выделить три важнейших вектора анализа посткоммунистического общества в Болгарии: от основанного на классе к основанной на статусе стратификации, от одноразмерного к мультиразмерной стратификации, от марксистской классовой модели к модели социальной сети.

Общественные науки Болгарии после 1989 г. сфокусировали свои усилия на изучении бедности как самой важной социальной проблемы в стране. Более того, бедность трансформировалась в национальную траекторию, как жизненный путь, демонстрирующий неспособность удовлетворить базисные человеческие потребности. Исследования бедности стали разновидностью стимулов изучения неравенства. Уже в 1996 г. данные отчетливо свидетельствовали, что неравенство доходов возросло. Оно углублялось все сильнее в следующие годы и сегодня в Болгарии высший уровень неравенств в Европе и в бывших социалистических странах. Исследователи обращают внимание на острую поляризацию общества с двумя крайностями — огромным, чрезмерным богатством (и властью), с одной стороны,

²⁰ Ibid., s. 169.

²¹ Bunčák J., Džambazovič R. Statusové a príjmové nerovnosti ekonomicky aktívnych obyvateľov Slovenska. — *Desaťročia premien slovenskej spoločnosti*. Bratislava, 2011, s. 221.

²² Domański H. Czy są w Polsce klasy społeczne? Warszawa, 2015, s. 205.

и деградирующей, экстремальной бедностью — с другой. Такое деление образует демаркационную линию в массовом восприятии, а не только в общественной науке²³.

Еще раньше, в 1993 г., общенациональное исследование «Социальные неравенства» зарегистрировало «определенный сдвиг» в восприятии делений, разломов в обществе. Если ранее большинство респондентов видело социальную и профессиональную дифференциацию как главный источник стратификации, то теперь они стали рассматривать дихотомию «богатство — бедность» как ключевое деление. В глазах простых людей в обществах восточноевропейского типа — болгарском, словацком и других — посткоммунистическая стратификация сформировалась не как классическая социальная пирамида, а, скорее, как груше-подобная с небольшим количеством людей в середине, большим — на дне и минимальным — сверху, как короткого узкого горлышка. В 1993—1994 гг. менее 1 % населения Болгарии видели себя принадлежащими к верхнему классу, около четверти помещали себя в средний слой и явное большинство — 63 % — идентифицировалось с низшим социальным слоем. Сложилась стабильная дихотомия общественного сознания между «богатыми коррумпированными политиками», с одной стороны, и «бедными простыми людьми» — с другой, что долгое время не вело к массовым протестам.

Последующие болгарские исследования 2002, 2006 и 2007 гг. продемонстрировали аналогичные результаты: люди рассматривали политиков, экс-номенклатуру, членов мафии и преступников как выигравших от перехода, а простой народ — население, рабочих и пенсионеров — как проигравших. Подавляющее большинство людей самоидентифицировалось с последними. Существующие неравенства не мобилизуют творческий потенциал и ресурсы индивидов и социальных групп. Более того, они главным образом создают чувство несправедливости и ненормальности, порождая массовое социальное исключение.

В 2002 г. обнаружено, что в Болгарии «простые люди», проигравшие в результате перехода, не склонны к протестам. Бедность вела к сокращению социальных сетей до уровня замкнутого круга родственников и соседей. Социальное «сжатие» сопровождалось выпадением из общества в целом. Отсутствие социальных сетей делало коллективную акцию и политический протест невозможными. Если люди протестовали, они делали это через криминальные формы активности и/или голосование за оппозицию, независимо от того, кто эта оппозиция. Чувство бедности и бессилия культивировало острое ощущение слабых статусных различий, предупреждая коллективную солидарность и желание поддержать протесты других. Если определенная группа выходила на забастовку, большинство населения оставалось убежденным, что эта группа добивается для себя более высокой оплаты труда и делает это за счет других. Целый ряд исследований демонстрирует это недоверие, которое в сочетании с доминирующими ценностями неолиберализма заставляет всех спасаться поодиночке. Люди рассматривают своих соотечественников скорее как соперников, чем как союзников. Результат — широкомасштабная атомизация общества и своего рода неолиберальная утопия, когда нет такого явления, как общество, только индивидуальные мужчины и женщины.

Дихотомия коррумпированных элит и честных людей имеет огромные моральные и политические последствия. Это значит, что само государство воспринимается как что-то враждебное. С этой точки зрения государство не заботится о «нас» и используется «ими» для их собственного обогащения. В данном случае совершается

²³ *Boyadjieva P., Kabakchieva P. Inequality in poverty: Bulgarian sociologists on class and stratification. — East European politics and societies and cultures, 2015, № 3, p. 632.*

возврат к дихотомии коммунистической эпохи, идентифицировавшейся в Польше как «государство vs общество», но теперь без надежды на будущую демократическую «нормальность». Целых 87 % населения говорит, что демократия в Болгарии (и не многим меньше в других посткоммунистических стратах) плохо функционирует. «Наша страна прекрасна, но государство прогнило» — одно из самых распространенных мнений в стране. Неудивительно, что большинство людей предпочитает эмиграцию за рубеж в поисках лучшего будущего вместо того, чтобы остаться в стране и бороться за перемены.

Протесты, начавшиеся в Болгарии в 2013 г., явились столкновением между простыми людьми и мафиозными политиками, но меньше касались экономических вопросов, а больше — безнравственности власти и борьбы за перемены под лозунгом «Двадцать четыре года достаточно» и требования смены систем, замены представительной демократии на демократию прямую, налаживания функционирования государства. Протесты объединили людей с различными и даже противоположными интересами — зеленых и националистов, коммунистов и антикоммунистов, цыган и местных активистов. В силу такого разнообразия протесты не могли родить новых лидеров, протестующие не были избраны в парламент. Вскоре после этого произошли протесты против фасадной демократии и олигархов, за политические права и человеческое достоинство, в которых участвовали люди из разных социальных слоев. Волны протестов показали существование глубоких делений болгарского общества и формирование крупных социальных групп недовольных людей, которые хотели быть услышанными. С этого времени наблюдается новая тенденция: нарастают социальные протесты, организованные теми, кто говорит, что они чувствуют себя безвластными и манипулируемыми коррумпированными элитами²⁴.

Текущая ситуация в Болгарии «беременна» протестами из-за продолжающегося обеднения больших групп населения, коррупции правящего слоя и нестабильности политического status quo. В контексте ощущения бедности статусные различия теряют свое значение, что, в свою очередь, препятствует созданию социальных групп или классовой солидарности, поскольку каждый чувствует, что состязается с остальными.

Более успешно по сравнению со странами Юго-Восточной Европы развиваются страны Центральной Европы или Вышеградской четверки — Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, — хотя общие закономерности динамики после 1989 г., в том числе направления социально-классовых сдвигов, объединяют бывший социалистический регион.

Люди, занятые в рабочих профессиях Чехии, составляют лишь немногим больше трети экономически активного населения по сравнению с концом 1980-х, когда рабочий класс достигал 60 % трудящихся. Эта группа общества уменьшилась практически на половину. Данному изменению способствовала и реструктуризация отдельных отраслей промышленности в период общественной трансформации, и значительное увеличение сферы услуг, и особенно возникновение класса предпринимателей — с наемными работниками и без них, быстрый рост которых в начале 1990-х годов продолжается и поныне. Возрастает также класс рутинных нефизических работников, в основном из рядов служащих. Наиболее стабильный социальный класс с точки зрения его численности — высшие служащие, составляющие около 10 % экономически активного населения, а также низшие служащие²⁵.

²⁴ Ibid., s. 643.

²⁵ Tuček M. Proměna představ o předpokladech úspěchu a změny v životních strategiích. — Dynamika české společnosti a osudy lidí na přelomu tisíciletí. Praha, 2003.

Наиболее мобильными — в смысле нисходящих перемещений — стали сельскохозяйственные и квалифицированные рабочие.

Возникновение нового высшего класса, следующего из традиций и опыта номенклатуры и узкого слоя обогатившихся еще в период социализма, можно считать элементом новой капиталистической социальной структуры. Другой полюс классового устройства Чешской Республики (ЧР) составляет экстремально бедная часть населения. К ней принадлежат не только бездомные, но и в целом социально неприспособившиеся, как их здесь называют. Обычно это члены семей с малолетними детьми и часть пенсионеров, особенно в сельской местности.

Поляризация классовых отношений происходила в среде сильно уравнилельных настроений населения, сложившихся исторически еще со времен национального возрождения и чрезвычайно усилившихся в период социализма, что следует из всех социологических исследований с 1993 г.²⁶ Около 80 % населения убеждено, что государство должно снижать различия между бедными и богатыми. Даже в наиболее развитой в регионе Чехии большинство населения считает характер социальной стратификации, похожим на упоминавшуюся выше «грушу» (многочисленные низшие слои и узкая верхушка политической и экономической элиты), тогда как стран Запада — на «перевернутую грушу».

После двух десятилетий общественных перемен в ЧР преобладает чувство несправедливости, отсутствия сплоченности, безнаказанности для определенных групп населения, зависти и клиентизма — крайне негативных оценок состояния чешского общества. Очень большие неравенства в доходах оцениваются людьми как несправедливые («слишком высокие»). В целом люди критически оценивают современную систему, остро негативно воспринимают ее главные принципы в условиях все более дифференцирующегося общества.

Польские социологи убеждены, что не существует демократии высокого качества без значительного равенства в структуре общества²⁷. Нынешняя ситуация крайне далека от модели равных шансов. В условиях, когда уже к середине 1990-х годов произошел сдвиг от общих ценностей к собственным интересам каждого индивида²⁸, большинство восточноевропейцев оказались недовольными функционированием демократии. Сложилась система, которую никак нельзя назвать экономически и социально справедливой²⁹.

Чтобы понять современные социально-классовые сдвиги в Восточной Европе, важно помнить, что в довоенный период этот регион (кроме промышленно развитых Чехии и восточной части Германии) обладал типично аграрной (страны Юго-Восточной Европы) или аграрно-промышленной (Венгрия и Польша) социальной структурой. В производстве валовой продукции превалирующим оставалось сельское хозяйство. Доля крестьянства в Польше находилась на уровне 60 % общей численности населения³⁰, а в слаборазвитых странах Юго-Восточной Европы в сельском хозяйстве была занята подавляющая часть экономически активного насе-

²⁶ Tuček M. Sociální nerovnosti v ČR..., s. 54, 75.

²⁷ Mach B. W. Jakość demokracji a struktura społeczna: uwagi koncepcyjne i ilustracje empiryczne. — Jakość naszej demokracji: społeczno-kulturowe podstawy polskiego życia publicznego. Warszawa, 2012, s. 25.

²⁸ Matějů P., Řeháková B. Turning left or class realignment. Analysis of the changing relationship between class and party in the Czech Republic. 1992—1996. — East European politics and societies and cultures, 1997, № 3, p. 597—647.

²⁹ Červenka J., Tuček M. Dynamika diferenciacie příjmů a majetku. — Dynamika české společnosti..., s. 147.

³⁰ Domański H. Społeczeństwa europejskie: stratyfikacja i systemy wartości. Warszawa, 2009, s. 25.

ления — свыше 70—80 %. На старте строительства социализма в 1948—1950 гг. доля городского населения составляла всего 24,6 % в Болгарии, 20,5 % в Албании, 36,3 % в Венгрии, 31,8 % в Польше, 23,4 % в Румынии, 16,2 % в Югославии. Больше половины населения приходилось на горожан только в ГДР (67,3 %) и Чехословакии (53,2 %)³¹. Для социальной структуры стран региона на протяжении почти всего периода социализма была характерна категория крестьян-рабочих, совершавших регулярные, вплоть до ежедневных, поездки из села, где они жили, в города, где работали. Польша с точки зрения высокой доли крестьян и сейчас располагается на одном из последних мест в Европе. В начале XXI в. здесь сохранялся более высокий уровень неравенств, чем в Чехии, Словакии и Венгрии. В иерархии доходов выше всего в Польше находились собственники фирм, опережающие специалистов и служащих высокого уровня³².

Особенно показателен словацкий пример. Хотя большинство людей живет здесь в городах, часто это первое или второе поколение городских жителей. Что предопределяет ментальные и культурные воззрения словацкого общества, которое и по сей день фактически остается сельским. Шесть из каждых десяти взрослых словаков выросло (возраст до 12—14 лет) в сельской среде, еще двое — в малом городе, тогда как в крупном городе (50—100 тыс.) — едва один из десяти³³. В целом, три четверти миллиона людей проживает в настоящее время в совершенно ином месте страны, чем то, где они были социализированы.

Духовная культура словаков очень неоднородна, наиболее многочисленная часть их принадлежит исторически к восточной (Византия, Россия) культурной зоне христианства, или к «востоку». Исторически, по мнению словаков, их страна относится в равной мере близко к западной и восточной культуре (28 %), к восточной (35,7 %) и к западной (14,4 %). «Сердцем» или культурно-аутентично словацкое общество все еще доминирующе сельское и малгородское³⁴. Очевидно, низкая доля людей, внутренне склонных к крупногородской среде. Лишь немного меньше половины взрослых жителей двух крупнейших городов — Братиславы и Кошице — внутренне тяготеют к характерной для них среде. Группа людей с малгородской и особенно сельской идентичностью — по сравнению с жителями, отождествляющими себя с крупногородской средой, — делает акцент на социальном перераспределении («отнять у богатых и передать бедным») и меньше доверяет богатым людям. Характерно отсутствие общей национальной идентичности словаков, широко признаваемой всеми ими. 76 % жителей страны долговременно проживают в одном месте, т.е. структура расселения относительно стабильна. Широко распространено утверждение: «здесь я родился, здесь вырос, здесь чувствую себя дома»³⁵.

По оценке социологов, словацкое общество и поныне урбанно-руральное с элементами традиционализма. К признакам традиционного общества принадлежит сильная связь с семьей и собственное хозяйство — земля, дом, поселение, его этническая и конфессиональная структура. С традиционализмом связаны черты, метафорически именуемые «укорененностью», «почвенничеством». В сельской среде

³¹ Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в конце 40-х годов: исходные рубежи на пути к социализму. — Строительство основ социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Очерки истории. М., 1989, с. 48—49.

³² Domański H. Społeczeństwa europejskie..., s. 141.

³³ Krivý V. Dominantné kolektívne identity na súčasnom Slovensku. — Svet mnohých "MY a ONI": Kolektívne identity na súčasnom Slovensku. Bratislava, 2006, s. 96.

³⁴ Ibid., s. 98.

³⁵ Danglová O. Lokálne kontexty identity. — Svet mnohých "MY a ONI"..., s. 142.

человек живет неотделимо от природы, в соответствии с правилом «так работали наши отцы, так работаем и мы»³⁶.

Традиционное общество в той или иной степени характерно для остальных стран Центральной и Восточной Европы. Оно неотделимо от многочисленных низших — постсельских и посткрестьянских — слоев населения этих стран, крайне узкого слоя политической и экономической элиты, их углубляющейся социальной и культурной поляризации, взаимного недоверия «низов» и «верхов». На практике прогрессирующая социально-классовая дифференциация отражается пока преимущественно в рассмотренном выше классовом голосовании, прежде всего на парламентских выборах в странах региона.

³⁶ Ibid., s. 114.